

ТАВРИЧЕСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Подписка
принимается
въ редакціи
Епарх. Вѣдом.
въ Симфероп.
Духовной
Консисторіи.

выходятъ два раза въ мѣсяцъ.

№ 17.

1-го Сентября 1882 г.

Цена
за годовое
изданіе съ
пересылкою
и безъ
пересылки
5 рублей.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Дѣйствія Правительства. II. Распоряженія Высшаго Начальства. (Опредѣленія Св. Синода а) б) в) г.). III. Епархіальныя распоряженія. IV. Епархіальныя извѣстія.

I. ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, въ 23-й день января 1882 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: дѣла, касающіяся до разбора споровъ о вѣроисповѣдной принадлежности бывшихъ греко-уніатовъ холмско-варшавской епархіи, изъять изъ вѣдѣнія гражданской администраціи и управленія иностранныхъ исповѣданій и направить еъ разсмотрѣнію и рѣшенію подлежащихъ установленій православнаго духовнаго вѣдомства. Посему всѣ прошенія по такимъ дѣламъ, а равно и всякаго рода возникающіе по онымъ споры, должны быть представляемы на разсмотрѣніе и рѣшеніе холмско-вар-

шавскаго епархіального начальства; въ случаѣ же недовольства просителей послѣдовавшими рѣшеніями, жалобы по онымъ могутъ быть приносимы Святѣйшему Синоду.

II. Распоряженія Высшаго Начальства.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода

а) отъ 16-го іюня—12-го іюля 1882 года за № 1214, объ увеличеніи содержанія туркестанскому епархіальному управленію.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 4-го іюня 1882 г. за № 7186, слѣдующаго содержанія: государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода объ увеличеніи содержанія туркестанскому епархіальному управленію, мнѣніемъ положилъ: 1) отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства, съ 1-го января 1883 года, на производство добавочнаго содержанія въ положенному по Высочайше утвержденнымъ 4-го мая 1871 года временнымъ штатамъ: а) туркестанскому преосвященному и архіерейскому дому 2,425 р., б) туркестанскому кафедральному собору 4,280 р. и в) туркестанской духовной консисторіи 1950 р., а всего восемь тысячъ шестьсотъ пятьдесятъ пять руб. въ годъ, со внесеніемъ сей послѣдней суммы, съ того же срока, въ подлежащее подраздѣленіе смѣты Святѣйшаго Синода, и 2) предоставить лицамъ, поступающимъ на священнослужительскія должности въ туркестанскій кафедральный соборъ изъ внутреннихъ губерній, право на полученіе прогонныхъ и подъемныхъ денегъ, наравнѣ со священнослужителями военнаго вѣдомства, согласно ст. 293 вн. I, ч. II св. воен. пост.

Его Императорское Величество означенное мнѣніе государственнаго совѣта, въ 18-й день мая сего года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. И, по справкѣ, приказали: объ изъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи, для припечатанія во всеобщее извѣстіе, сообщить редакціи «Церковнаго Вѣстника» по установленному порядку.

6) Отъ 2—5 іюля 1882 года за № 73, объ учрежденіи женской общины въ зданіяхъ упраздненнаго Макарьевского желтоводскаго монастыря.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: дѣло по двумъ предложеніямъ г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 16 апрѣля и 1 іюля 1882 года, изъ коихъ въ первомъ г. синодальный Оберъ-Прокуроръ предлагаетъ Святѣйшему Синоду объ учрежденіи женской общины въ зданіяхъ упраздненнаго Макарьевского желтоводскаго монастыря, нижегородской епархіи съ наименованіемъ оной Макарьевскою, а во второмъ о томъ, что со стороны министра внутреннихъ дѣлъ не встрѣчается препятствій къ учрежденію означенной общины. Справка. Святѣйшій Синодъ, разсмотрѣвъ въ 1867 году дѣло о Макарьевскомъ желтоводскомъ монастырѣ, нижегородской епархіи, напелъ: зданія означеннаго монастыря, находящіяся на низменномъ берегу рѣки Волги, во время весеннихъ разливовъ постоянно заливаемы водою, пришли въ крайнюю ветхость и угрожаютъ разрушеніемъ, что на возобновленіе этихъ зданій и необходимое, вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпленіе рѣчнаго берега, по увѣдомленію министерства путей сообщенія, потребовалось бы болѣе 150,000 рублей и что весьма значительны были бы издержки, если бы монастырь этотъ перевести, какъ предполагалось, въ Нижній Новгородъ; между тѣмъ преосвященный на-

жегородскій донесъ, что обитель эта не имѣетъ достаточныхъ средствъ ни къ возобновленію ея, ни къ перенесенію, и что въ Нижнемъ Новгородѣ есть уже три монастыря и къ устройству новой обители не предвидится надобности. Въ виду сего, Святѣйшій Синодъ, исполнѣ убѣждаясь въ невозможности дальнѣйшаго существованія Макарьева монастыря на настоящемъ мѣстѣ и находя, что къ перенесенію его на другое мѣсто не представляется ни средствъ, ни надобности, согласно заключенію нижегородскаго епархіальнаго начальства, 29 ноября—15 декабря 1867 года, опредѣлили: а) желтоводскій Макарьевъ монастырь упразднить, а принадлежащіе ему угодья и капиталы, а также всѣ зданія, часовню въ Нижнемъ Новгородѣ и домъ въ Москвѣ предоставить въ пользу нижегородскаго епархіальнаго попечительства, для усиленія его средствъ къ призрѣнію бѣдныхъ духовнаго званія; б) на занимаемомъ монастыремъ мѣстѣ, въ память существованія тамъ обители, оставить церковь во имя преподобнаго Макарія, которую и приписать къ соборной города Макарьева церкви, на правахъ кладбищенской, для совершенія въ ней по временамъ соборнымъ причтомъ богослуженій и поминовеній надъ могилами погребенныхъ въ монастырѣ; в) предоставить преосвященному нижегородскому малочисленную братію упраздняемой обители распределить по другимъ монастырямъ нижегородской епархіи, а ризницу, утварь и колокола раздать по церквамъ оной. На приведеніе въ исполненіе означенныхъ предположеній Святѣйшаго Синода, въ 23 день января 1868 года, воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе. Приказали: Жители города Макарьева, нижегородской губерніи, и московскіе купцы Яковъ Лабзинъ, Флоръ Ермаковъ и другіе, чрезъ повѣреннаго своего, купца Осипа Тихомирова, въ просьбѣ г. синодальному Оберъ-Прокурору заявляютъ, что упраздненный въ 1868 году, по Высочайше утвержденному опредѣленію Святѣйшаго Синода,

желтоводскій Макарьевъ монастырь, составляетъ для русскаго народа дорогой и древній памятникъ благочестія, что послужившій причиною къ упраздненію этой обители прибой рѣки Волги, отмывавшій постепенно монастырскій берегъ и разрушавшій зданія, въ настоящее время, за перемѣною фарватера рѣки, удалился ниже монастыря почти на версту, и что, такимъ образомъ, естественныя условія, грозившія монастырю разрушеніемъ, совершенно измѣнились, почему просятъ о разрѣшеніи устроить въ названномъ монастырѣ, не касаясь его капиталовъ и угодій, женскую общину, съ наименованіемъ ея Макарьевскою и съ переводомъ въ оную живущихъ въ богадельнѣ при лысковской Срѣтенской блажищенской церкви сестеръ, доселѣ ничѣмъ не обезпеченныхъ. Преосвященный нижегородскій увѣдомилъ, что предполагаемое устройство общины на мѣстѣ упраздненнаго желтоводскаго Макарьева монастыря, было бы весьма желательно для поддержанія христіанскаго благочестія въ народѣ, такъ какъ не только жители города Макарьева, но и всѣхъ окрестныхъ селеній издавна привыкли притекать въ эту древнюю обитель для религіознаго утѣшенія, что епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, въ вѣдѣніе котораго, по закрытіи монастыря, переданы всѣ монастырскія угодья, капиталы и зданія, заявило о своей готовности уступить всѣ оставшіяся строенія, какъ церковныя, такъ и братскія, съ находящеюся подъ ними землею и весь монастырскій погостъ, обнесенный каменною стѣною, въ пользованіе и полное распоряженіе предполагаемой къ открытію женской общины до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать на этомъ мѣстѣ община, или какое другое богоугодное учрежденіе; въ противномъ же случаѣ, мѣсто сіе, со всѣми зданіями, какія на немъ будутъ, безъ всякаго вознагражденія, должно снова поступить во владѣніе попечительства, что по осмотрѣ монастырской мѣстности оказалось, что опасность, угрожавшая

прежде монастырю отъ напора волнъ рѣки Волги, нынѣ, за измѣненіемъ фарватера рѣки, сама собою миновала, что монастырскія зданія, на первоначальное приспособленіе которыхъ исчислено до 8,000 рублей, могутъ существовать съ безопасностью, что повѣренный упомянутыхъ просителей купецъ Тихомировъ заявилъ, что его довѣрители желаютъ учредить общину изъ 12 до 15 сестеръ, на содержаніе которыхъ они назначаютъ 15,000 рублей, на содержаніе причта при церкви общины 10,000 рублей и на ремонтъ зданій 2,000 рублей, а всего 27,000 рублей, которые имѣютъ быть внесены въ кредитныя учрежденія на вѣчное время, сверхъ 8,000 рублей, назначенныхъ на первоначальное приспособленіе зданій, что въ пользу той же общины г. Васильчиковъ жертвуетъ 50 десятинъ земли, дарственная записка на которую, въ скоромъ времени, будетъ представлена въ Святѣйшій Синодъ и что посему преосвященный и съ своей стороны ходатайствуетъ объ учрежденіи помянутой общины, съ тѣмъ, чтобы не назначать къ церкви сей общины особаго причта, а поручить совершать богослуженіе въ оной причту макаріевского собора съ правомъ получать за труды проценты съ вышепомянутыхъ 10,000 рублей. При чемъ преосвященный и самъ жертвуетъ на вѣчное время капиталъ въ 3,000 рублей, назначая съ него проценты на неугасимую лампаду въ той общинѣ предъ иконами преподобнаго Макарія желтоводскаго, св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго и святыхъ равноапостольныхъ Маріи Магдалины. Министръ внутреннихъ дѣлъ съ своей стороны не встрѣчаетъ препятствій къ учрежденію означенной общины. Святѣйшій Синодъ, въ виду вышеизложеннаго и руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ 9 мая 1881 года, опредѣляетъ: учредить въ зданіяхъ упраздненнаго Макарьевского монастыря, нижегородской епархіи, женскую Макарьевскую общину, съ переводомъ первоначально въ оную лицъ, живущихъ въ бо-

годельнѣ при лысковской Срѣтенской кладбищенской церкви, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) предоставить означенной общинѣ принять въ свое вѣдѣніе церковныя и братскія строенія упраздненнаго Макарьева монастыря съ погостомъ, обнесеннымъ каменною стѣною, не иначе, какъ по удостовѣреніи епархіальнаго начальства, что предназначенныя для помѣщенія общины зданія съ храмомъ для отправления богослуженія приведены вполнѣ въ исправный видъ и по внесеніи въ государственный банкъ жертвуемыхъ 15,000 рублей на содержаніе сестеръ общины, 10,000 рублей на содержаніе причта и 2,000 рублей на ремонтъ зданій, всего *двадцати семи тысячъ рублей*, которые должны быть обращены въ процентныя государственныя бумаги, съ написаніемъ ихъ, на вѣчное время, на имя предполагаемой къ открытію общины; 2) капиталы, угодья, а также часовню въ Нижнемъ Новгородѣ и домъ въ Москвѣ, принадлежавшіе упраздненному Макарьеву монастырю, оставить, на основаніи Высочайше утвержденнаго 23 января 1868 года опредѣленія Святѣйшаго Синода, въ пользованіи нижегородскаго епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, которому, въ случаѣ упраздненія означенной общины, должны быть обратно переданы, безъ всякаго вознагражденія, зданія упраздненнаго желтоводскаго Макарьева монастыря съ погостомъ; 3) содержаніе предполагаемой къ открытію общины, съ причтомъ при оной, а равно ремонтъ и поддержаніе находящихся въ вѣдѣніи ея зданій относить общинѣ на доходы отъ вышеозначенныхъ жертвуемыхъ ей капиталовъ и на другія могущія быть пожертвованія въ ея пользу и на изыскиваемые ею самою средства; 4) предоставить усмотрѣнію нижегородскаго преосвященнаго или поручить совершеніе богослуженій въ церкви общины причту соборной города Макарьева церкви, или же назначить для сего особый причтъ.

Для пропечатанія о семъ во всеобщее извѣстіе сообщить редакціи «Церковнаго Вѣстника» по принятому порядку.

в) Отъ 23 іюня—14 іюля 1882 года за № 1322, о книгѣ „Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы“, съ журналомъ Учебнаго Комитета.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 29-го мая 1882 года за № 245, журналъ Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета за № 195, о томъ, что Комитетъ полагаетъ возможнымъ допустить въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій и училищъ составленную по порученію комитета грамотности специальною комиссіею книгу, подъ заглавіемъ: «Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы» (С.-Петербургъ, 1878 г.). Приказали: Утвердить изложенное заключеніе Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета о книгѣ «Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы», и для объявленія о семъ правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ сообщить, циркулярно, чрезъ «Церковный Вѣстникъ», съ приложеніемъ копій съ журнала Комитета.

Журналъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ за № 159, о вышеозначенной книгѣ.

Въ этомъ критико-бібліографическомъ трудѣ, назначенномъ быть справочною книгою для занимающихся обученіемъ, помѣщено 965 названій различныхъ изданій, распределенныхъ въ 13 слѣдующихъ отдѣлахъ: I—отдѣлъ книгъ по

педагогикѣ, II — по закону Божію, III — по родному языку, IV — по ариметикѣ, V — по обученію пѣнію, VI — по рисованію и черченію, VII — по гимнастикѣ, VIII — по гигиенѣ, IX — по географіи, X — по исторіи, XI — по естествовѣдѣнію XII — по сельскому хозяйству и XIII — по сельскимъ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ.

Планъ обзора таковъ: къ извѣстному предмету указывается книга съ обозначеніемъ мѣста изданія, года, цѣны; затѣмъ слѣдуетъ рецензія съ краткимъ изложеніемъ содержанія.

Такой указатель книгъ или обзоръ книгъ, относящихся къ школьному обученію, особенно полезенъ для сельскаго учителя при выискѣ книгъ какъ для его собственнаго обихода, такъ и для составленія училищныхъ библіотекъ. Безъ такого указателя учитель принужденъ, при выискѣ книгъ, довѣряться газетнымъ объявленіямъ, каталогамъ книжныхъ магазиновъ и проч., при чемъ не рѣдко вводится въ обманъ.

Въ число книгъ просмотрѣнныхъ и помѣщенныхъ въ «обзорѣ», вошли всѣ, болѣе или менѣе замѣчательныя сочиненія по указаннымъ выше отдѣламъ. Отзывы о книгахъ сдѣланы людьми свѣдущими; кромѣ этого нѣкоторымъ отдѣламъ предпосланы «руководящія статьи».

Предсѣдатель комитета грамотности въ письмѣ къ г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода проситъ приказать рассмотреть въ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ, съ тѣмъ — не будетъ ли признана эта книга достойной для приобрѣтенія въ библіотеки духовно-учебныхъ заведеній, епархіальныхъ женскихъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ.

Разсматриваемая книга можетъ быть допущена въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ училищъ и семинарій, хотя въ «обзорѣ» для чтенія и рекомендуются двѣ книги, которыхъ никакъ нельзя «рекомендовать для чтенія» воспи

танникамъ и воспитанницамъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Заглавія ихъ помѣщены на стр. 225—226 подъ №№ 109—110: Посестра «Танька» и «Подосиновики» повѣсти Почосскаго.

Въ первой идетъ рѣчь о постепенномъ паденіи бѣдной крестьянки, брасавицы — сиротки, дочери солдата, проведеншей свою молодость въ разгулъ и пьянствѣ; во второй о томъ, какъ жена солдата въ пятнадцатилѣтнее отсутствіе мужа родить отъ любовника двухъ мальчиковъ, въ насмѣшку прозванныхъ «Подосиновиками».

На основаніи всего вышеизложеннаго Учебный Комитетъ полагалъ бы допустить означенную книгу въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій и училищъ.

г) Журналъ учебнаго комитета, о сочиненіи Надеждина „права и значеніе женщины въ христіанствѣ“ къ опредѣленію Св. Синода отъ 7 апрѣля 2 мая 1882 г. за № 440 См. № 15 Тавр. Епар. Вѣд. 1882 г.

Сочиненіе г. Надеждина «Права и значеніе женщины въ христіанствѣ» имѣетъ предметомъ своимъ всестороннее выясненіе христіанскаго воззрѣнія на женщину, ея права и обязанности, какъ это воззрѣніе проведено въ св. писаніи и святоотеческихъ твореніяхъ, а также въ христіанской практикѣ, особенно первыхъ вѣковъ христіанства, представляющихъ намъ примѣры осуществленія въ жизни христіанскаго идеала женщины.

Съ давнихъ поръ существовало убѣжденіе, что женщина, какъ существо по природѣ своей слабѣйшее мужчины, должна всегда находится у него въ рабскомъ подчиненіи. Это подчиненіе женщины, соединенное большею частію съ ея угнетеніемъ и страданіями, вызвало, особенно въ послѣднее время, множество защитниковъ ея самостоятельности и

независимости. Стали указывать даже, въ ущербъ самобытности женскаго типа, что женщина во всѣхъ отношеніяхъ равна мужчинѣ, и потому существовавшее до нынѣ подчиненіе должно быть уничтожено, какъ остатокъ временъ варварства. Между этими крайними взглядами на женщину находится христіанское воззрѣніе. Оно, по словамъ автора, признаетъ съ одной стороны полное человѣческое равенство мужчины и женщины, но не отрицаетъ, съ другой, и тѣхъ естественныхъ особенностей ихъ природы, которыми определяется различіе ихъ взаимныхъ отношеній, ихъ общественнаго положенія и назначенія въ жизни» (предисл. стр. 1). Но такое христіанское воззрѣніе дѣлають иногда основой для отношеній къ женщинѣ вовсе не христіанскихъ: имъ пользовались и пользуются часто какъ для доказательства совершеннаго во всѣхъ отношеніяхъ, хотя и не естественнаго, равенства половъ, такъ и для угнетенія и безусловнаго подчиненія женщины, извращая такимъ образомъ принципы христіанства и подвергая его даже несправедливымъ нареканіямъ. Въ виду этого, выясненіе цѣльнаго и чистаго христіанскаго идеала женщины представляется дѣломъ благовременнымъ и полезнымъ. Чтобы нагляднѣе изобразить высоту и самобытность христіанскаго идеала женщины, авторъ предварительно, какъ бы для параллели съ нимъ, сопоставляетъ въ *историческомъ очеркѣ* положеніе женщины и взгляды на ея значеніе въ разныя историческія эпохи и у разныхъ народовъ, какъ нехристіанскихъ, такъ и христіанскихъ, но не осуществившихъ еще идеаловъ христіанства въ этомъ отношеніи. Начавъ съ характеристики жалкаго и угнетеннаго положенія женщины въ быту дикомъ на низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія, гдѣ всѣ отношенія общественныя основаны на правѣ сильного, котораго (т. е. права) женщина не имѣетъ, авторъ переводить постепенно къ изображенію положенія женщины

въ быту патріархальномъ у древнихъ германцевъ и славянъ, у восточныхъ народовъ, въ греціи и Римѣ. Заключение, къ которому пришелъ здѣсь авторъ, сводится къ тому, что древній языческій міръ завѣщалъ послѣ себя или рабство женщины, отнимающее у нея всѣ человѣческія права, или же свободу въ формѣ нравственной распущенности, рвущающей нравственные достоинства женщины и подрывающей всякое къ ней уваженіе (стр. 22). Особенности положенія женщины у древнихъ евреевъ выводятся авторомъ изъ особеннаго назначенія этого самобытнаго теократическаго народа. Мысль, что женщина была виновницею паденія и женщина же должна искупить эту вину свою рожденіемъ Того, Кто долженъ стереть главу змія (т. е. Мессію), а съ другой стороны, постоянное обѣтованіе Іеговы умножить избранное имъ племя, для сохраненія его завѣтовъ оба эти обстоятельства сообщаютъ особенный характеръ взгляду евреевъ на женщину и на ея положеніе въ этомъ народѣ. Съ этой точки зрѣнія выясняется авторомъ высокое значеніе материнства у евреевъ, ихъ многоженство и проч. (стр. 36). Обращаясь далѣе къ изображенію быта женщины подъ влияніемъ христіанско европейской цивилизаціи въ средніе вѣка, когда христіанство только своею внѣшнею, формальною стороною могло коснуться большей части глубокаго и испорченнаго романо-германскаго общества, которое, будучи христіанскимъ по имени, въ душѣ оставалось по прежнему дикимъ и развращеннымъ, авторъ указываетъ нѣкоторыя историческія явленія, возникшія, хотя и на христіанской почвѣ, но большею частію не благоприятствовавшія положенію женщины. Таковы напр. папство, рыцарство, инквизиціи и т. п. Затѣмъ показываются авторомъ довольно важныя перемѣны, которыя произошли въ положеніи европейской женщины со времени гуманизма и реформаціи также въ XVІІ и XVІІІ вѣкахъ и до настоящаго времени. Общій выводъ изъ всего

историческаго очерка тотъ, что условія въ кабія поставлена жизнь женщины внѣ христіанства, не благопріятствуютъ ея истинному значенію и благосостоянію.

Послѣ историческаго очерка положенія женщины внѣ христіанства г. Надеждинъ переходитъ къ главному и существенному предмету своего изслѣдованія — изображенію значенія женщины въ христіанствѣ. Здѣсь онъ выясняетъ съ одной стороны, что женщина обладаетъ всѣми высокими разумно-нравственными достоинствами и свойствами человѣческой природы, что она прежде всего есть *человѣкъ*, и потому ей принадлежать всѣ общечеловѣческія права и привилегіи, такъ что въ этомъ отношеніи она не имѣетъ отличія отъ мужчины, но съ другой стороны замѣчаетъ, что женщина, какъ человѣкъ иного пола, чѣмъ мужчина, въ случаѣ своихъ естественныхъ особенностей, должна въ различныхъ отношеніяхъ жизни имѣть особенное значеніе, неодинаковое съ мужчиной, которое, впрочемъ, нисколько не служитъ къ ея униженію или невыгодѣ, напротивъ, только показываетъ индивидуальность ея собственно *женской* личности и ея достоинства собственно *женскія*. Примѣнительно къ такой двусторонности предмета авторъ раздѣляетъ свое изслѣдованіе на двѣ части.

Въ *первой части*, на основаніи слова Божія, святоотеческихъ твореній и примѣровъ священной и церковной исторіи, выясняются *общечеловѣческія права и достоинства женщины*. Съ этою цѣлію авторъ разбираетъ и объясняетъ всѣ случаи обращенія Іисуса Христа къ женщинамъ, упоминаемыя въ Евангеліи и свидѣтельствующія о высокихъ совершенствахъ человѣческой природы женщины, объ ея полной способности къ воспріятію и уясненію возвышенныхъ истинъ, объ ея искренней и глубокой вѣрѣ, пламенной любви, сильной и чистой преданности всему доброму и святому. Іисусъ, Христосъ, по замѣчанію автора, своимъ брѣтвѣмъ, уважи,

тельными и любвеобильнымъ отношеніемъ къ женской личности снялъ съ женщины печаль отчужденія и приобрѣлъ ей полное право на уваженіе и вниманіе, засвидѣтельствовавъ предъ всѣмъ міромъ и освятивъ всесторонность ея человѣческихъ достоинствъ и нравственныхъ силъ, которыя не только не уступаютъ мужскимъ, но способны и превзойти ихъ (стр. 74—99). Понятіе о женщинѣ, установленное Спасителемъ, проводилось и въ обществѣ Его вѣрныхъ послѣдователей — св. апостоловъ. Въ подтвержденіе этого анализируются авторомъ мѣста изъ апостольскихъ писаній, гдѣ говорится о женщинахъ, ихъ благотворной дѣятельности въ первой христіанской общинѣ; приводятся характеристическія замѣчанія на эти мѣста св. отцовъ; не оставлены вниманія и нѣкоторые церковныя преданія напр. о св. Феклѣ въ Иконіи, гдѣ проповѣдывалъ ап. Павелъ и проч. (стр. 119). Обращаясь къ послѣдующему за апостольскимъ періоду, авторъ приводитъ замѣчательные примѣры нравственнаго вліянія женщины, ея участія въ дѣлѣ распространенія христіанства и торжества Евангелія, ея высокихъ добродѣтелей — смиренія, духовной борьбы, самоотрѣченія, подвижничества и мученичества. Не рѣдко знаменитые подвижники мужчины преклонялись предъ нравственнымъ вліяніемъ женъ подвижницъ, просили у нихъ совѣтовъ, наставленій и молитвъ. Иногда подвижницы и вообще христіанскія женщины являлись на защиту христіанской истины противъ заблужденій еретическихъ и высказывали при этомъ поразительное самоотверженіе. Все это подтверждено у автора историческими фактами и свидѣтельствами св. отцовъ (напр. Климента александрійскаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго) часто приводившихъ въ своихъ твореніяхъ непризнанную въ древнемъ мірѣ мысль о высокихъ нравственныхъ достоинствахъ женщины, въ которыхъ она не уступаетъ мужчинамъ и за который ей принадлежитъ не меньшая слава и честь (стр. 142).

Въ виду того, что христiаская женщина съ особенною любовiю не рѣдко стремилась въ дѣвственному состоянiю, авторъ считаетъ необходимымъ коснуться этого явленiя и и доказываетъ, что христiанское ученiе о дѣвствѣ имѣетъ для женщины важное значенiе, признавая этимъ совершенную индивидуальность человѣческой личности женщины, ея самостоятельное и независимое отъ мужчины бытiе и значенiе, предметы древнему миру непонятныя. Отсюда бракъ для женщины не есть состоянiе необходимое, единственное нормальное, въ котораго женщина теряетъ всякое значенiе. Взгляды, отрицающiе самобытность женской личности и ограничивающiе ея бытiе жизнью съ мужчиною и для мужчины, не мирятся съ духомъ христiанства, въ которомъ существуютъ общiе для всѣхъ нравственные интересы. Женщина, въ силу какой либо случайности, хотя бы противъ собственнаго желанiя, оставшаяся дѣвою, не лишается никакихъ своихъ общечеловѣческихъ нравственныхъ правъ, какъ гражданина царствiя Божiя, имѣющая и свое служенiе въ этомъ царствѣ. Состоянiе ея является въ христiанствѣ такимъ состоянiемъ, которымъ можно воспользоваться, какъ средствомъ, удобнѣе ведущимъ въ высшему, нравственному совершенству. Эти мысли, также какъ и сужденiя о совершенной свободѣ при избранiи дѣвства и необязательности безбрачiя, о несправедливости тѣхъ, которые ради безбрачiя унижали бракъ и проч., раскрываются авторомъ на основанiи новозавѣтнаго ученiя и святоотеческихъ творенiй, а также церковныхъ правилъ и практики древней церкви. Не оставлено авторомъ безъ вниманiя и состоянiе вдовства, которому можетъ быть приложено сказанное о дѣвствѣ, какъ о состоянiи, утверждающемъ самостоятельность женской личности, въ противоположность угнетенному и беззащитному положенiю вдовы въ древнемъ мiрѣ (стр. 166).

Вторая часть, въ виду многихъ, затронутыхъ авторомъ, современныхъ вопросовъ о правахъ женщины, представляется особенно интересною и поучительною. Здѣсь изображается особенное положеніе женщины въ различныхъ отношеніяхъ жизни, сообразно ея специфическимъ *женскимъ* особенностямъ. Прежде всего авторъ останавливается на христіанскомъ ученіи о бракѣ. Животный взглядъ на женщину, подъ вліяніемъ котораго видитъ въ ней только предметъ чувственнаго наслажденія, исключительно цѣнять ея половой элементъ, совершенно противенъ духу христіанства. Отсюда оно строго осуждаетъ прелюбодѣяніе. Въ ученіи же о бракѣ христіанство, принимая въ основаніе первоначальный идеаль брака, данный при сотвореніи первыхъ челоуѣковъ, точнѣе и обстоятельнѣе выясняетъ этотъ идеаль, проповѣдуя единобрачіе и запрещеніе многоженства, нерасторжимость брака и незаконность разводовъ, наконецъ сообщая браку благодатное освященіе и таинственное значеніе. Раскрывая эти мысли, авторъ показываетъ благодѣтельное значеніе условій христіанскаго брака въ особенности для женщины, когда эти условія получаютъ благодатное освященіе въ церкви. Бракъ, такъ называемый, гражданскій или заключаемый внѣ церкви, не можетъ, по замѣчанію автора, имѣть такого значенія и ведетъ къ ослабленію семейныхъ узъ и униженію женщины. Сообразно съ высоконравственнымъ значеніемъ брачной жизни, христіанство устраняетъ при заключеніи браковъ всякое проявленіе легкомыслія, насилія, корыстныхъ побужденій и расчетовъ (стр. 184). Обращаясь къ вопросу о взаимныхъ супружескихъ отношеніяхъ насколько онъ касается женщины, авторъ говоритъ: если жена признана необходимой и равноправной половиною мужа и имѣетъ такую же власть надъ тѣломъ и сердцемъ его, какъ и мужъ надъ тѣломъ и сердцемъ жены; если оба они составляютъ одно нераздѣльное цѣлое въ физическомъ и духовномъ отношеніи

ихъ: то отсюда само собою слѣдуетъ, что и взаимныя отношенія ихъ въ жизни должны основываться на строгомъ единствѣ, согласіи и любви. Требованіе св. апостола Павла о главенствѣ мужа и подчиненіи жены сообщаетъ супружескимъ отношеніямъ новый, совершенно неизвѣстный древнему міру, смыслъ, исключаящій всякія злоупотребленія, какія прежде соединялись съ этими понятіями. Различныя обязанности предписываются супругамъ потому, что того требуетъ различіе ихъ природныхъ свойствъ, какъ физическихъ такъ и нравственныхъ. Но въ виду того, что противъ этого положенія нѣкоторые изъ современныхъ писателей дѣлаютъ возраженія, доказывая, что особенности женщины суть результатъ воспитанія и порабощенія ея (Милля), авторъ останавливается на разборѣ этого мнѣнія и показываетъ его несостоятельность (стр. 190). Затѣмъ онъ доказываетъ, что ученіе о физиологическихъ и психологическихъ различіяхъ половъ, лежащее въ основѣ христіанскаго взгляда на отношенія супруговъ и социальное положеніе женщины, насколько не служитъ источникомъ ни деспотизма и преимущества мужа, ни порабощенія и безправія жены, такъ какъ мужчина, и женщина, въ отношеніи своихъ особенностей, суть вѣличины несоразмѣримыя, существа несравнимыя, и чего не достаетъ одному, то вовсе не служитъ къ униженію другаго. Съ христіанской точки зрѣнія, ни немощность и подчиненность женской природы не служитъ къ ея униженію или безчестію, ни признаніе въ мужѣ главы не ведетъ къ деспотизму и произволу. Напротивъ, какъ то, такъ и другое служитъ источникомъ общаго благодѣянія и достоинства супруговъ (стр. 210).

На возраженія, что супружескую любовь нельзя превращать въ долгъ, въ право (Ж. Ж. Руссо), авторъ отвѣчаетъ, что христіанство, заботясь о внутренней основѣ супружескихъ отношеній, заключающейся во взаимной любви,

въ то же время старается не предоставлять чувствъ самимъ себѣ, а подчинять ихъ требованіямъ разума и долга, которыя являются гарантіей человѣческаго достоинства. Поэтому въ христіанствѣ не нарушаются супружескія отношенія и въ томъ случаѣ, если одна изъ сторонъ не помнитъ своего долга. Нравственность христіанская тѣмъ и высока, по замѣчанію автора, что она не избавляетъ насъ отъ нашихъ обязанностей къ другимъ, когда другія нарушаютъ свои въ отношеніи къ намъ.

Далѣе авторъ рассуждаетъ о характерѣ женскаго вліянія на мужей, основанномъ на внутреннихъ, нравственныхъ достоинствахъ женской личности, рассматриваетъ вопросы о церковномъ учительствѣ женщины, о покровеніи ею головы при богослуженіи, о значеніи діаконискаго служенія и проч. Исслѣдованіе этихъ вопросовъ проникнуто тонкимъ анализомъ различныхъ мѣстъ изъ Новаго Завѣта, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныхъ, но далеко не всѣми понимаемыхъ одинаково точно и правильно; подкрѣпляется и оживляется постоянно историческими данными, выдержками изъ свято отеческихъ твореній и сопровождается замѣчаніями, имѣющими отношеніе къ различнымъ современнымъ явленіямъ жизни. Таковы замѣчанія по поводу взглядовъ нѣкоторыхъ писателей на женщину и ея положеніе въ обществѣ, также по вопросу о разводахъ, о гражданскомъ бракѣ, о вѣнчаніи эмансипаціи и общественной дѣятельности женщины. Ученіе ап. Павла напр. о женскомъ покрывалѣ направляется авторомъ противъ ложной эмансипаціи, которая, останавливаясь на наружности, на стриженіи волосъ и т. п., совершенно опускаетъ изъ виду особенности женской натуры и заявляетъ громкое требованіе равенства и даже отождествленія чисто вѣшняго, не натурального. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается авторъ на великомъ и священномъ призваніи женщины въ сферѣ семейной. Проанализиро-

вавъ мысли нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей и тв. отцовъ о значеніи и вліяніи женщины, какъ матери, авторъ высказываетъ мысль о необходимости, въ силу серьезности и важности этого призванія для женщины, надлежащаго умственно-нравственного развитія и образованія и доказываетъ неосновательность высказываемыхъ иногда въ наше время жалобъ на ничтожество будто бы значенія женщины, пока она не будетъ допущена къ разнаго рода внѣшней общественной дѣятельности. Въ заключеніе своего сочиненія авторъ разсматриваетъ, съ христіанской точки зрѣнія, хозяйственную должность женщины и ея попечительность о домѣ.

Изъ представленнаго краткаго очерка содержанія книги г. Надеждина видно, что она имѣетъ характеръ отчасти историческій и апологетическій въ отношеніи христіанскаго воззрѣнія на женщину, но преимущественно характеръ ея нравственно поучительный. Сочиненіе это можетъ быть особенно полѣзно для воспитанницъ женскихъ епархіальныхъ училищъ, какъ книга, обстоятельно знакомящая ихъ съ правами и обязанностями женщины въ христіанскомъ смыслѣ и могущая предостеречь ихъ отъ современныхъ увлеченій, такъ называемымъ, женскимъ вопросомъ.

Въ виду вышеизложеннаго, комитетъ полагалъ бы: книгу преподавателя Надеждина, подъ названіемъ: «Права и значеніе женщины», одобрить для приобрѣтенія въ бібліотеки женскихъ епархіальныхъ училищъ.

III. Епархіальныя распоряженія.

О порядкѣ избранія церковныхъ старостъ въ приходскимъ сельскимъ церквамъ.

Мелитопольское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, усматривая изъ донесенія Геническаго сельскаго старосты, отъ 18 февраля за № 247, что Геническимъ сель-

свимъ сходомъ былъ постановленъ приговоръ о выборѣ на второе трехлѣтіе въ должность церковнаго старосты крестьянина Григорія Андрѣйченко и къ нему помощника крестьянина Семена Дюкаря, каковой приговоръ находится въ Таврической духовной Консistorіи постановило: такъ какъ на основаніи ст. 51 общ. полож. о крест. п. 1 вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ лишь выборы сельскихъ должностныхъ лицъ и выборныхъ на волостной сходъ, церковные же старосты какъ разъяснено Высочайше утвержденнымъ 22 ноября 1868 года журналомъ соединеннаго присутствія Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и департамента законовъ государственнаго совѣта, по соглашенію съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, несутъ службу не сельскому обществу, а приходу, то и выборъ церковнаго старосты вѣдѣнію сельскаго схода не подлежитъ, а посему и на основаніи 52 ст. общ. полож. о крест., приговоръ Геническаго сельскаго схода о выборѣ церковнымъ старостою Андрѣйченко и помощникомъ къ нему Дюкаря считать не законнымъ. О чемъ дать знать Геническому сельскому старостѣ и увѣдомить Консistorію, которую просить, при поступленіи въ оную подобныхъ приговоровъ сельскихъ обществъ, препровождать таковыя въ присутствіе для уничтоженія.

Таврическая духовная Консistorія, по разсмотрѣніи означеннаго постановленія Мелитопольскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, съ разрѣшенія Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Гермогена, Епископа Таврическаго и Симферопольскаго постановила: избраннаго Геническимъ сельскимъ сходомъ въ должность церковнаго старосты крестьянина Григорія Андрѣйченко и помощника къ нему крестьянина Дюкаря, какъ утвержденныхъ въ означенныхъ должностяхъ покойнымъ Преосвященнымъ Архіепископомъ Гуріемъ, на сей разъ признать дѣйствительными, т. е. ос-

тавить при занимаемыхъ ими должностяхъ. Но такъ какъ въдѣнію сельскаго схода, на основаніи ст. 51 общ. полож. о брест. п. 1, подлежатъ лишь выборы сельскихъ должностныхъ лицъ и выборныхъ на волостной сходъ, церковные же старосты несутъ службу не сельскому обществу, а приходу, то на будущее время, во избѣжаніе недоразумѣній, чрезъ мѣстныхъ благочинныхъ, *объявить причтамъ и прихожанамъ* церквей Таврической епархіи, *чтобы выборы церковныхъ старостъ, на основаніи §§ 1 2 и 3. Старостинской инструкции, производились не на сельскихъ сходахъ, а въ церкви, и избирались съ согласія причта и прихожанъ.* О чемъ къ свѣдѣнію и руководству причта и прихожанамъ напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

IV. Епархіальныя извѣстія.

Открытъ приходъ въ видѣ опыта на три года, при Андреевской церкви селенія Андреевки, Θεодосійскаго уѣзда.

Определены: Дьяконы: Варваринской церкви села Агайманъ, Мелитопольскаго уѣзда Николай Олифиренко на священническое мѣсто къ Андреевской церкви села Андреевки, Θεодосійскаго уѣзда; Рождество-Богородичной церкви селенія Орлянска, Мелитопольскаго уѣзда, Іоаннъ Аболенскій на вакансію помощника настоятеля къ Іоанно-Богословской церкви селенія Ивановки, Мелитопольскаго уѣзда; Діаконскій сынъ Николай Шарковъ исправляющимъ должность псаломщика къ Андреевской церкви селенія Андреевки, Θεодосійскаго уѣзда; священническій сынъ Петръ Ивановскій исправляющимъ должность псаломщика, къ Варваринской церкви селенія Агайманъ, Мелитопольскаго уѣзда.

Перемещены: Настоятель священникъ Покровской церкви мѣстечка Судакъ, Θεодосійскаго уѣзда, Николай Муравичъ къ Керченскому Троицкому собору помощникомъ на-

стоятеля; Діаконъ Успенской церкви заштатнаго города Староа Брыма Алексѣй Богдановъ на псаломщицкую вакансію въ Симферопольской Петропавловской церкви; Причетникъ Базанско-Богородичной церкви селенія Торгай, Мелитопольскаго уѣзда, Иванъ Синицкій къ Успенской церкви заштатнаго города Староа Брыма на табую же вакансію.

Уволенъ: за штатъ, по болѣзни, помощникъ настоятеля Симферопольской Преображенской церкви священникъ села Балточокракъ Іаковъ Лисневскій.

Праздныя мѣста: Настоятельскія при Скорбящинской церкви селенія Насылкой, Феодосійскаго уѣзда; при Покровской церкви мѣстечка Судакъ, того же уѣзда. Помощника настоятеля: при Рождество-Богородичной церкви селенія Ивановки, Днѣпровскаго уѣзда, и при Симферопольской Преображенской церкви, для селенія Балточокракъ. Штатное діаконское: при Симферопольскомъ Кафедральномъ соборѣ. Псаломщицкія: при Введенской церкви селенія Британъ, Днѣпровскаго уѣзда; при Петропавловской церкви, что на южной сторонѣ города Севастополя; при Казанско-Богородичной церкви селенія Торгай, Мелитопольскаго уѣзда, и при Рождество Богородичной церкви селенія Орлянска, того же уѣзда.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ТАВРИЧЕСКИХЪ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 17-й. | 1 Сентября 1882 г. | № 17-й.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Слово Преосвященнаго Никанора, Епископа Уфимскаго, на новый годъ.

II. Царская Коронація.

III. Объявленія.

I. Поученіе на новый 1882 годъ преосвященнаго Никанора, епископа уфимскаго и оренбургскаго.

*Братіе, блюдитесь, да никто-
же васъ будетъ прельщая фило-
софіею и тщетною лестію по пре-
данію человѣческому, по стихіямъ
міра, а не по Христу. Кол. 2, 8.*

Это урочъ намъ ча нынѣшній праздникъ обрѣзанія Господня и новолѣтія отъ лица святаго апостола Павла. Что апостолъ Павелъ былъ не только богословъ, но и съ естественной точки зрѣнія величайшій умъ; что онъ принадлежалъ къ числу крайне немногихъ самыхъ вліятельныхъ гениевъ человѣчества,—это признается всѣми, противъ этого спорить нельзя. А если такъ, то казалось бы его гениальности приличнѣе было бы совѣтовать всѣмъ заниматься философіею, какъ изстари препрославленною наукою наукъ. Однако же онъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Онъ предостерегаетъ отъ увлеченія философіею. Всякою ли филосо-

фією? Да, онъ не различаетъ между философією и философією, а предостерегаетъ вообще, не особенно сочувственно и почетно отзываясь о философіи вообще. *Смотрите, братіе*—наставляетъ онъ насъ, — *чтобы кто не увлекъ васъ философією и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человеческому, по стихіямъ міра, и не по Христу*. Какъ умъ величайшій и богопросвѣщенный, онъ видѣлъ и прозрѣвалъ, зналъ и предчувствовалъ, что, при горѣніи свѣта богооткровеннаго ученія, всякая философія, какую только видѣлъ міръ, какою думаютъ подмѣнить или даже пополнить это ученіе, больше или меньше вознося нашъ умъ на разумъ Божій, никогда во всѣхъ отношеніяхъ не можетъ быть полезна, а наоборотъ,—становится вредною тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе чело-вѣчество ею увлекается, чѣмъ болѣе проникается она преданіями научности чело-вѣческой и стихійною мудростію, чѣмъ болѣе направляется она противъ Христа и Христова духа. Онъ видѣлъ, что самая возвышенная философія древности, какова была философія Сократа и Платона, которая, при недостаткѣ въ древне-языческомъ мірѣ лучшаго руководства въ истинѣ, даже вела, хотя и извилистымъ путемъ, ко Христу,—что даже эта философія переполнена была заблужденіями язычества. Онъ видѣлъ, что современная ему, апостолу Павлу, философія, неоплатоническая и гностическая, составила систему не только мистическихъ грезъ, но и поразительнѣйшихъ бредней изступленной фантазіи (1 Тим. 1, 4; 6, 20). Онъ прозрѣвалъ и предчувствовалъ, что и послѣдующая, развивающаяся уже въ недрахъ христіанства философія, если она выступаетъ въ качествѣ не исключительно только поборницы христіанскихъ началъ, а изобрѣтательницы новыхъ основныхъ истинъ, или даже изслѣдовательницы въ областяхъ знанія, мало доступныхъ уму и неозаренныхъ свѣтомъ откровенія,—что и эта философія мало окажетъ успѣха истинѣ, напротивъ, окажется источ-

никомъ многихъ и немалыхъ заблужденій. Такъ даже, такъ называемая, схоластическая философія, поставившая себя служанкою христіанскаго богословія, представляла сборникъ сухихъ, бесплодныхъ, мертвящихъ словопреній, который въ послѣдствіи гордыми творцами новѣйшей философіи и не признанъ философіею. А то гордое вавилонское столпотвореніе человѣческихъ измышленій, которое признано нынѣ называть дѣйствительною философіею, начиная съ системъ Бекона и Декарта, послужило только поводомъ, началомъ и причиною удаленія заблудившагося человѣческаго ума отъ Бога и неба на страну далече. Наконецъ, самоновѣйшая философія, въ своемъ послѣднемъ словѣ, это ужасъ и позоръ! Это гниль и гибель! И злосчастная честь сказать это послѣднее слово принадлежитъ нашему отечеству, нашимъ русскимъ, столько же дерзкимъ, сколько и легкомысленнымъ и малосвѣдущимъ, особенно же въ философіи писателямъ. Тѣмъ не менѣе, ихъ словоизверженія составляютъ дѣйствительно послѣднее слово европейской науки, послѣдній, крайній, чудовищный, практическій изъ нея выводъ.

Я изложу вамъ эту философію. Въ своихъ голыхъ выводахъ она не мудрена. И сочинять ея я не стану. Въ одномъ новѣйшемъ сборникѣ она изложена собственными словами ея авторовъ. Однако же и основныя положенія ея мы назовемъ здѣсь только въ той мѣрѣ, на сколько позволяютъ и краткость и церковное приличіе.

«Ширина стрицанія, характеризующаго новое ученіе, обнимаетъ весь установившійся порядокъ, весь современный строй государственной и общественной жизни. Нынѣшняя европейская цивилизація, съ ея наукой, искусствомъ, литературой, отвергается. Пусть догниваетъ старая цивилизація; она умираетъ не по годамъ, а по днямъ, и чувствуетъ свою дряхлость. Старая Европа накопила въ своемъ наслѣдіи всѣ заблужденія, ошибки, знанія и невѣжество прошедшихъ вѣ-

говъ. Наука допускается только осязательная; что можно рассмотреть глазами и ощупать руками, пойметъ и десятилѣтній ребенокъ. Въ руководители знанія рекомендуются главнымъ образомъ, даже почти исключительно, Бюль и Дарвинъ. Прочіе писатели прежнихъ временъ почти поголовно отвергаются. Вся русская жизнь, русская гражданственность, какъ она сложилась вѣками, подлежитъ безпощадному разрушенію».

«Религія, по этой философіи,—старый предразсудокъ, мистическія бредни, болѣзненное явленіе, фантазія, мѣшающая личному и общественному благополучію, то же, что отжившіе призраки астрологіи, алхиміи, магіи и теософіи. Нынѣ стала общеизвѣстна истина, что сила есть свойство матеріи, и теперь не нужны всѣ эти Ормузды и Ариманы. Мы свободны отъ теософической опеки и не ждемъ себѣ свыше награды за добро, ни наказанія за зло».

«Связанная тѣсно съ религіею нравственность имѣетъ мистическій смыслъ и ничего общаго съ здравымъ смысломъ. Изъ аксіомы, что человекъ есть животный организмъ, вытекаетъ отрицаніе всей душевной жизни, на мѣсто которой становится одно тѣло. Никто до сихъ поръ не понималъ, что значитъ добро и что—зло. Теперь стало извѣстно, что въ экономическомъ смыслѣ добро есть выгода, а зло—убытокъ; въ фізіологическомъ отношеніи добро есть пріятное, а зло—непріятное ощущеніе; въ общихъ же человѣческихъ отношеніяхъ добро—польза, а зло—вредъ. Безплодно ставить вопросъ о нравственности и безнравственности. Животный инстинктъ самосохраненія *долженъ быть* сильнѣе всѣхъ нравственныхъ соображеній. Правило, что во всякомъ случаѣ нужно быть честнымъ, никуда негодится. Кто исполняетъ требованіе долга, тотъ поступаетъ безчестно и подло, и только позоритъ свое существованіе. Долгъ не имѣетъ никакого смысла. Самое понятіе о преступленіи отрицается,

какъ и свободная воля. Преступникъ — или больной, котораго надо лечить, или герой трагедіи, погибающій подъ гнетомъ враждебныхъ обстоятельствъ. Преступленіе невмѣняемо потому, что дѣйствія человека основываются на его внутреннихъ побужденіяхъ, которыя зависятъ отъ органическихъ условій и внешнихъ явленій всегда угнетающаго свойства. Очевидно, что понятіе о виновности не имѣетъ никакого смысла. Поэтому всякій судъ — несправедливость. Уваженіе къ чужому — простой расчетъ, основанный на инстинктѣ самосохраненія, на боязни попасться въ воровствѣ и потерпѣть непріятность. Такъ и всякое преступленіе неудобно, потому что опасно. А умнымъ, ловкимъ людямъ ничто, кромѣ личнаго вкуса, не мѣшаетъ даже грабить и убивать».

«Эстетику, т. е. всю совокупность явленій и идеаловъ христіанской нравственности, всей европейской цивилизаціи, просвѣщенія, наукъ и искусствъ, всю эту эстетику слѣдуетъ всячески вытравлять. Пора отстать отъ всѣхъ отвлеченныхъ идей, какъ отстали отъ теологическихъ мечтаній. Идеалъ человека порядочнаго, дѣльнаго, хорошаго семьянина, гражданина, — это мечты, которыя отравляютъ жизнь и мѣшаютъ беззабѣтному наслажденію. Никакихъ гражданскихъ обязанностей въ сущности нѣтъ. Убѣжденія, принципы, гражданская добродѣтель — все это несправедливыя бредни. Благородный энтузіазмъ — пустой звукъ. О борьбѣ за святыя убѣжденія, о принесеніи себя въ жертву нечего и толковать. Если бы всѣ были эгоистами, не создавая себѣ искусственныхъ понятій идеала и долга, то привольнѣе стало бы жить на бѣломъ свѣтѣ. Теперь же вся жизнь сдавлена въ угоду отвлеченнаго понятія государства и прочаго. Пружина чести, уваженіе, личное достоинство, благодарность, добро, зло, вѣжливость, великодушіе, состраданіе, милосердіе, справедливость, законъ, — всѣ эти слова для этихъ учителей отживающія слова. Вся эта эстетика — проявленіе неисчерпаемой

глупости. Эстетика давитъ общество со всѣхъ сторонъ подобно морали и законности. Она есть самый надежный врагъ разумнаго прогресса. Что такое всѣ учрежденія, нравы, понятія, искусство, наука, права толпы? Ничтожный грязный хаосъ».

«Семья — это темное царство, это курятникъ, это превосходная школа безнравственности, школа рабства, эксплуатации, воровства и грабежа, зародышъ и поприще войны и порабощенія. Въ семьѣ всѣ плохи, отцы, матери, братья и сестры, — плохи отъ той же эстетики, отъ зловреднаго вліянія семьи. Плохи особенно женщины, оттого, что онѣ боятся общественнаго мнѣнія, родителей, родственниковъ и не даютъ воли своимъ влеченіямъ; оттого, что склонны связывать себя обѣтами предъ лицомъ общества и Церкви. Вотъ новая любовь — та свободна, по образу и подобию животныхъ, съ правомъ перехода изъ рукъ въ руки. Дѣйствительное паденіе женщины — это бракъ: вотъ гдѣ потеря нравственной чистоты и силы. Женская грація, стыдливость, цѣломудріе — глупость и нелѣпость. Женщина должна употребить всѣ усилія, чтобы подойти къ полному самоосвобожденію, несмотря на строгости формальнаго закона, чтобы бороться съ семейнымъ деспотизмомъ. Сущность женской эмансипаціи заключается въ освобожденіи отъ несносной эстетики, въ полномъ приравненіи женщинъ къ мужчинамъ. Экономическая независимость есть первое условіе независимости общественнаго положенія женщины. А какъ достигнуть экономической независимости, когда матеріальныя блага захвачены самодурами, родителями и мужьями? Очень просто, на основаніи дарвиновскаго закона борьбы за существованіе, потребовать, отнять, украсть, ограбить, — все что угодно. Сказано уже, что умнымъ людямъ ничто, кромѣ личнаго вкуса, не мѣшаетъ даже убивать и грабить».

«Такимъ образомъ, новымъ человѣкомъ должны управлять только личныя выгоды и пріятныя ощущенія. Ни надъ собой, ни въ себя, ни даже внутри себя, онъ не признаетъ никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого принципа. Онъ дѣлаетъ только то, что ему пріятно; а ему пріятно то, что ему хочется. Онъ считаетъ совершенно излишнимъ стѣснять себя въ чемъ бы то ни было. Онъ собственно никого не боится, никого не любитъ, и вслѣдствіе этого никого не щадить. Онъ эгоистъ до послѣдней степени. Сказать—эгоистъ—значить сказать—человѣкъ, потому что эгоистъ есть полная свобода личности, уничтоженіе обязательныхъ трудовъ и добродѣтелей. Эгоизмъ—главная добродѣтель, покоящаяся на удовлетвореніи естественныхъ потребностей».

«До какой степени новый человѣкъ эгоистъ, до той же степени онъ и дерзокъ. Сильный эгоизмомъ и дерзостію онъ долженъ быть борцомъ отрицанія. Долженъ предпринимать коренное измѣненіе ложныхъ общественныхъ отношеній, стѣсняющихъ нашу дѣятельность, стать выше общества, признать его явленіемъ ненормальнымъ, болѣзненнымъ, уродливымъ. Долженъ проповѣдывать необходимость радикальнаго леченія, питать кровную вражду съ общественною неправдой, не бояться уголовной отвѣтственности, разрушать семейный деспотизмъ и все это множество общественныхъ предрассудковъ (религію, семью, собственность). Долженъ проповѣдывать новую доктрину и уничтожать эстетику; вербовать новобранцевъ, размножать мыслящихъ людей, развивать женщинъ въ извѣстномъ свободномъ направленіи, особенно же завоевывать школу. Когда взята школа, тогда побѣда упрочена. Начало слѣпаго авторитета въ воспитаніи должно быть радикально уничтожено. Страніе удержатъ ребенка въ тѣхъ понятіяхъ и правилахъ, которыми держалось старое поколѣніе, вредно въ высшей степени. Странія дѣй-

ствовать на сердце ребенка, соблюдать его моральную чистоту, напрасны. Для ребенка все должно быть открыто и доступно. Естественное, правильное, здоровое развитие всех сил организма гораздо больше значить, чем всякие правоучительныя сентенции. Кормить ребенка и удалять от него вредные предметы — вотъ вся задача воспитанія. Учить нужно какъ можно меньше и притомъ главное дѣло образованія состоитъ не въ знаніи, а въ развитіи. Чемъ меньше молодой человѣкъ будетъ знать, тѣмъ лучше, потому что онъ скорѣе сдѣлается послѣдовательнымъ реалистомъ».

«Намъ нужны дѣятели, — говорятъ эти учителя, — съ дѣтства охваченные одною идеей, сжившіеся съ ней, такъ что нужно доставить или торжество этой идеѣ или умереть. Нужны герои для борьбы съ врагами внутренними. Обязанность честнаго человѣка питать непримиримую ненависть къ существующему порядку, принимать рѣшительно — радикальныя воззрѣнія и переходить отъ нихъ уже прямо къ дѣятельности, ни предъ чѣмъ не останавливаясь. Ибо самое худое, что я могу потерпѣть, это смерть; но вѣдь я все равно умру же, стало быть, я ничѣмъ не рискую. День расплаты, день борьбы съ внутреннимъ врагомъ, во всякомъ случаѣ канунъ того дня, въ который дѣятели одолѣютъ внутренняго врага, не за горами. Пока же, въ ожиданіи этого вожделѣннаго дня, *надобно радоваться каждой новой смерти въ старомъ поколѣніи, надобно разить все отжившее*».

Какой мрачный смыслъ приобрѣтаютъ эти дикія рѣчи, изрыгнутыя въ началѣ 60-хъ годовъ, если припомнить, какъ народившаяся шайка шагъ за шагомъ переходила отъ безумныхъ ученій къ безумнымъ дѣйствіямъ. Истекшему 1881 году выпала злосчастная честь выставить все это дикое, изступленное, кровожадное безуміе предъ цѣлымъ свѣтомъ, и прежде всего предъ нашими собственными очами, предъ

потускнѣвшимъ сознаниемъ сыновъ нашего мятущагося отечества.

Всѣ изложенныя основоположенія этого ученія относятся къ отрицательной его сторонѣ. Гдѣ же положительная? Такой стороны совсѣмъ нѣтъ въ этой системѣ. По разрушеніи религіи, изъ этой философіи получается атеизмъ, нравственности—безнравственность, цѣломудрія—распутство и гражданственности—анархія и т. п. А всѣ эти и подобныя понятія, будучи сами по себѣ отрицательнаго свойства, суть ничто иное, какъ видовыя понятія одного родоваго, общаго всѣмъ имъ — разрушенія.

Не правда-ли, ужасное ученіе, дикая философія? Но думаете-ли вы, что вамъ съ вами нѣтъ до нея никакого дѣла? Мы, конечно, вѣрные подданные нашего царя и добрые сыны отечества. Разрушать государство мы не намѣрены. Стоимъ теперь въ церкви, значимся въ церковныхъ спискахъ и приступали къ таинствамъ. Значить, мы и христіане. Тѣмъ не менѣе не стелется-ли означенная философія и между нами повальною заразою? Въ истекшемъ году она систематически послѣдовательно, шагъ за шагомъ, привела къ предчувствуемому, къ предусмотрѣнному, къ предугазанному и почти открыто подготовленному царевубійству, покрывъ Россію позоромъ, потрясши всѣ сердца ужасомъ,— не знаю, многія-ль, конечно—весьма немногія сердца злорадствомъ. Чему же мы послѣ этого научились? Что обуздали и направили на правый путь?

Дарвинизмъ, со всѣми его нелѣпостями, съ случайнымъ образованіемъ, напримѣръ, глаза въ продолженіи билліоновъ вѣковъ, принимаемый только потому, что, повидимому, многое объясняетъ, совсѣмъ почти исключая Творца и все чудесное въ происхожденіи міра, дарвинизмъ пересталъ ли

быть основаніемъ не только высшаго университетскаго міросозерцанія, но міровоззрѣнія и всякаго школьника, читающаго свѣтскіе журналы и газеты? Перестали-ль всякіе умы извѣстнаго направленія, отъ высшихъ многосвѣдущихъ до самыхъ мелкихъ и дѣтскихъ, подрывать и просто отрицать христіанство не только въ его несокрушимой исторіи, но и прямо въ принципѣ безъ дальнѣйшихъ справокъ съ исторіей и психологіей? «Человѣкъ—животное, происходящее отъ обезьяны»,—какое же тутъ возможно христіанство? А если такъ, если наукою и общественнымъ сознаніемъ поддерживаются принципы матеріальной нигилистической философіи, то такъ же отрещиваться отъ прямыхъ ея выводовъ?

Очищаемая отверженіемъ историческаго православнаго христіанства, душевная пустота въ обществѣ не восполняется-ли измышленіемъ всяческихъ суевѣрій отъ разнообразнаго спиритизма до пансковщины и штундизма, до хлыстовщины и скопчества, до превлоненія высокихъ вліяній предъ новоизмышляемыми правами простецовъ, самозванно нарядившихся въ савкосы и митры? Для чего же бы не придумать подобныхъ же правъ для сектантскихъ, духоборческихъ, хлыстовскихъ христовъ и богородицъ, апостоловъ, пророковъ и разныхъ пророчицъ, для скопческихъ боговъ саваофовъ, живущихъ въ Тамбовѣ, разныхъ спасителей, бѣлыхъ голубей, святыхъ духовъ и другихъ чудовищъ съ ихъ чудовищностями? Въдѣ логика новоизмышляемаго права вынуждаетъ и вынудитъ къ послѣдовательности Отчего же бы не признать какого-либо тамбовскаго простеца богомъ саваофомъ, или хоть христомъ спасителемъ, какъ признаютъ тамбовскіе, донскіе, кавказскіе простецы, лукавые сектанты?

Не совѣтуютъ ли высшей власти, лучшіе, повидимому, преданнѣйшіе вѣрѣ, отечеству и царю, умы невозбранно дать Ренана въ русскомъ переводѣ въ руки всехъ деревенскихъ

мальчиковъ и дѣвочекъ, обученныхъ грамотѣ, дать наряду съ Евангелиемъ или даже взамѣнъ его? Вѣдь объ этой замѣнѣ похлопочуть не только ходаки въ народѣ, но и сельскіе учителя, да и другіе печальники просвѣщенія и вообще благъ нашего темнаго, по ихъ словамъ, «забитаго» народа. Не разливается ли индифферентизмъ къ вѣрѣ въ наиболѣе вліятельныхъ кругахъ до всецѣлаго паденія тамъ всей христіанской дисциплины? Иконы изъ домовъ изгоняются; домашняя молитва упразднена; посты устранимы. Всенощныя богослуженія забыты, на канунахъ даже Рождества Христова, Новолѣтія непременно, Крещенія Господня, недѣли Ваий, Троицы, за исключеніемъ развѣ одной въ году всенощной Страстей Господнихъ, которая еще кое-гдѣ посѣщается. Объ утреняхъ и говорить нечего, за исключеніемъ одной пасхальной, да и та вездѣ и всегда представителями общества не достаивается до конца. Таковъ законъ моды, иначе нельзя... Не признакъ ли времени, что всѣ эти модныя немощи высшаго круга переходятъ заразою уже и въ купеческія сферы, даже въ крестьянскія? Вѣдь аристократизмъ теперь переходитъ въ купеческія семейства; а стыдно же барынь купчихъ вставать на утреню, иначе засмѣютъ. Изглаждая въ этихъ старинныхъ русскихъ семьяхъ уваженіе къ народной старинѣ и преданность свято-отеческой вѣрѣ, братство переходитъ сюда своими недостатками, легкомысліемъ и вольнодумствомъ, а неблестящими качествами изящества, утонченности, мягкости нравовъ, исторически воспитаннаго благородства, гражданской доблести и уваженія къ государственно-народной чести. И выходитъ, что мы понижаемся въ обще-народномъ нравственномъ уровнѣ. Вѣдь неловко же и крестьянамъ земцамъ — не поѣдать скоромныя обѣды въ Филиповъ постъ съ земцами дворянами: «что за предрасудки? Да и не готовиться постное въ гостиницахъ...» А тамъ далѣе и учителей народныхъ воспитываютъ на круглогодномъ мясоистіи, безъ

физической нужды искажая простые желутки, воспитанные на здоровой простотѣ, на хлѣбѣ и водѣ, а съ огромнымъ вредомъ для народныхъ нравовъ, колебля вѣками установившійся укладъ народной жизни на столбахъ православнаго христіанскаго міровоззрѣнія. Пользно ли, что дѣти крестьянъ, вчера взятые отъ сохи, завтрашніе народные учителя по селамъ и деревнямъ, приучаются не только къ повальному отверженію постовъ, но къ устраненію и всего христіанскаго жизненнаго обихода, проводя и въ народѣ идеи, что лучше, т. е. нравственнѣе быть всегда сытымъ, чѣмъ сегодня голодать отъ пощенія, а завтра предаваться всяческому пресыщенію; что въ праздникъ лучше молотить въ лаптяхъ, чѣмъ въ чистомъ платѣ поутру идти въ церковь, а затѣмъ на весь день въ кабакъ, ставя то и другое чуть не рядомъ по малополезности для народнаго благосостоянія? Чѣмъ подложены разсужденія солиднѣйшихъ и по всѣмъ признакамъ благонамѣреннѣйшихъ людей, которые, съ видомъ высокаго благоразумія, толкуютъ, что распространители подобныхъ идей среди чернаго народа, среди его дѣтей, неблагоразумно спѣшатъ, хватаясь прямо за *развитіе* народа, позабывая, что нашъ народъ искони привыкъ къ славянщинѣ, воспитался на четь-минеехъ и т. п., почему-де весьма пользно первоначально поучить его на славянскихъ учебникахъ, вообще на церковномъ, а затѣмъ уже браться и за его развитіе? Причемъ развитіе, сознательно или безсознательно, съ чужаго голоса, противопоставляется христіанству, какъ одно съ другимъ вещи несовмѣстимыя. Да, гадаемое развитіе народа, дѣйствительно, противоположно христіанству, направляясь и направля къ исключенію сего послѣдняго, хотя христіанство въ свою очередь и совмѣстно съ самымъ высокимъ, даже безконечнымъ развитіемъ, но только въ духѣ Христовомъ. То признано, что христіанство послужило благотворною закваскою развитія всего христіанскаго человѣчества, хотя

это развитіе въ послѣднее время направляется и въ анти-христіанскомъ духѣ. А къ чему это послѣднее анти-христіанское развитіе приведетъ, — это вопросъ. Къ повтореніямъ 1-го марта, къ нескончаемымъ взрывамъ и губительствамъ?

Не обольщаетъ-ли себя правящая власть, не обольщаютъ-ли себя руководители народнаго просвѣщенія и всѣ свѣтскіе вожди народнаго смысла, когда хлопочутъ все о религіозно-нравственномъ развитіи именно и только народа, махнувъ рукою на самихъ себя, какъ на людей отпѣтыхъ, если не по нравственной, то по религіозной части? Съ самихъ себя начать бы... Вѣдь они-же считаютъ себя главами общества, и это не метафора, а дѣйствительность. Такъ какъ-же вы хотите, чтобъ ноги не блуждали, когда голова заблуждается? Вѣдь нервы стоянія и правильнаго движенія ногъ и всѣхъ конечностей прирѣплены къ головному мозгу: нездоровы мозги и нервы, не станутъ и ноги ни ходить прямо, ни держать крѣпко. Не обольщаетъ-ли себя, не страненъ-ли, даже не забавенъ ли вождь народнаго смысла — предположимъ такого, — когда съ учителемъ вѣры о религіозномъ образованіи народа разсуждаетъ чуть не съ пламенемъ очей, а самъ никогда не посѣщаетъ храма Господня, даже въ такіе дни, когда это требуется по закону гражданскому, когда опекаемые имъ относительно образованія въ духѣ вѣры дѣти, да и отцы, да и всѣ глядятъ во всѣ очи, да былъ-ли онъ самъ въ церкви?

Геніямъ принадлежитъ даръ выразить ясно и отчетливо назвать по имени идею, созрѣвшую въ обще-народномъ или въ обще-человѣческомъ сознаніи. Величайшій государственный человѣкъ нашего времени, онъ же и мыслитель недюженый, назвалъ всѣхъ обружающихъ престолъ германскаго императора, т. е. всѣхъ образованныхъ нѣмцевъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, со включеніемъ въ число

этихъ немногихъ и себя самого назвалъ просто язычниками, отрешившимися отъ христіанства. А русскія обезьяны, изстари отъ дѣдовъ и прадѣдовъ обезьяны, и обрадовались и подхватили вѣское геніальное слово, не смотря на трагическій и постыдный его смыслъ, и спѣшатъ приложить его—къ кому-же? Къ себѣ самимъ? Теперь вотъ у русскихъ интеллигентныхъ людей вошло въ моду съ лицемѣрною печалью, а въ сущности въ духѣ гордыни и презорства къ свято-отечественной вѣрѣ, крѣпить себя прозвищемъ язычниковъ. Такъ во дни оны, отцы ихъ въ тайнѣ тщеславились прозвищемъ вольтеріанцевъ, хотя и опасались однако же открыто записаться въ вольтеріанцы, такъ какъ тогда это была довольно серьезная опасность. А теперь сыны ихъ, никого уже и ничего не опасаясь, тщеславятся и сами себя величаютъ прозвищемъ язычниковъ и полу-язычниковъ. И пусть ихъ язычники обзываютъ себя такъ; имъ по дѣломъ, къ нимъ и пристало. Но полу-язычникомъ въ самомъ русскомъ изъ журналовъ обзываетъ себя писатель, который дѣлаетъ себѣ репутацію учителя всяческой мудрости, всякихъ наукъ, человѣческихъ и божескихъ, которыхъ прямо и отважно, хотя и самозванно, выступаетъ въ видѣ даже учителя Церкви, тяжкими уроками наставляя церковную іерархію, какъ она должна учить вѣрѣ народъ, конечно не его самого полу-язычника. Онъ полу-язычникъ,—этимъ сказано многое, сказано то, во-первыхъ, что онъ у насъ учиться ничему не желаетъ; да и нечему отъ насъ ему поучиться когда онъ самъ учитъ, обличаетъ, тяжело въ самыхъ хульныхъ выраженіяхъ обвиняетъ всю учительную Церковь. Да и спрашивается, кто изъ людей, мыслящихъ себя интеллигентами на Руси, желаетъ учиться у насъ, желаетъ послушать и послушаться насъ? Всѣ свѣтскіе писатели, даже лучшіе консервативнѣйшіе русскіе мыслители, только насъ школятъ, какъ невѣждъ въ нашемъ собственномъ дѣлѣ цер-

ковно общественнаго учительства, и хотять все, чтобы мы, поучась у нихъ, учили собственно народъ, но ихъ самихъ ни подъ какимъ видомъ.

Какъ же вы хотите, чтобъ мы учили народъ вѣрѣ, чтобъ мы удержали народъ въ завѣтахъ отцовъ, когда такъ многіе изъ васъ совершенно охладѣли къ обязательности этихъ завѣтовъ для васъ самихъ? Когда такъ многіе изъ васъ, и словомъ и дѣломъ, примѣромъ и даже поощреніемъ, ввѣдряютъ въ народъ то, что пока еще великодушно предоставляютъ намъ искоренять? Когда такъ многіе не только допускаютъ, но и поощряютъ, не только прикрываютъ апатією и молчаніемъ, но и восхваляютъ пропаганду всяческихъ отпаденій отъ святоотеческой православной вѣры, которая создала и воодушевила, которая объединяетъ и сбрѣдляетъ въ единствѣ русское государство? Когда въ интеллигентномъ русскомъ обществѣ царитъ даже не глухое, не тайное, а совершенно открытое, громко выражаемое недоброжелательство и ни тѣни сыновняго благопокорнаго усердія въ отечественной русской Церкви, которая такъ пригодна была государству во всѣ години искушеній отъ татарскаго погрома и до отечественной и до послѣднихъ восточныхъ войнъ? Когда въ теченіи послѣднихъ вѣковъ, отнявъ у Церкви учащей право за правомъ, стѣснивъ ее въ средствахъ и движеніяхъ въ дѣлѣ и даже словѣ, общество оставляетъ ее, учащую Церковь, почти совершенно безпомощною въ дѣлѣ даже охраненія вѣры, прилагая къ правонарушеніямъ въ этой важнѣйшей для жизни общества, внутреннѣйшей, духовной области, заурядное, шаблонное правосудіе, по мѣркѣ извѣстнаго училища новѣйшей юриспруденціи, съ чуждаго намъ голоса и образца, а не съ голоса нашей отечественной родной намъ исторіи? Когда Церковь стѣснена въ дѣлѣ, и не видитъ пользы, даже не видитъ возможности прибѣгать и

къ послѣднему исконному средству высшаго церковнаго суда — къ отлученію въ данныхъ частныхъ обстоятельствахъ? Да и къ чему? Общество само себя повально отлучаетъ отъ Церкви, одни оставляя таинства, обряды и всю дисциплину церковную, другіе устраняя себя отъ таинствъ и хожденія въ церковь, а третьи и прямо отпадая отъ Церкви? Въ то же время общество, мало, апатично, вопреки собственному убѣжденію помогая намъ въ нашемъ дѣлѣ, очень пылко и огульно выдаетъ намъ въ лицо язвительные укоры, что го-лось нашъ потерялъ вліяніе, что мы умѣемъ удерживать народъ въ оградѣ Церкви не силою убѣжденія, а только постоянными докучами полиціи. Въ старыя годы на Руси не такъ было. Не полиція поддерживала духъ церковный, а духъ обще-народный не выносилъ явной антицерковности. Нынѣ же вымираетъ стародавній духъ вѣрности свято отеческимъ преданіямъ: оттого и законы, ограждающіе этотъ духъ, теряютъ силу, и вѣра надежду на свое преусиѣніе. Еще 50 лѣтъ тому назадъ кто бы посмѣлъ отнасть примѣрно въ католичество? Изъ высшихъ аристократическихъ фамилій двѣ-три личности попробовали было, да и стнгли внѣ предѣловъ отечества. А теперь кому какое дѣло, кто какой вѣры? Ступай, коли нравится, въ пашковцы, хочешь — въ жидовство, въ нигилисты всего проще.

Ясно ли, куда мы идемъ даже къ чему пришли уже? Къ философіи Чернышевскаго — Нисаревскаго въ теоріи, и къ осуществленію выводовъ Добролюбова на практикѣ. И пока дѣло заключалось только въ дикой болтовнѣ слѣпыхъ вождей слѣпой, хотя и мящейся зрячею, толпы, она-то и знала, что забавлялась. А какъ свергнули молніи, громы ужасныхъ дѣлъ, всѣ сперва испугались, а затѣмъ махаютъ рукой: будь, что будетъ, только бы мимо насъ, послѣ насъ хоть потопъ. Поворотить назадъ всѣ оказываются безсильны; даже толкаютъ

другъ друга идти впередъ по склону исторіи, по склону дѣлающихъ исторію у насъ, хотя и въ бездну погибели.

Думаю-ль я самъ, что можемъ поворотить исторію назадъ? Помоги, Боже! *У Бога вся возможна суть...* Но полагаю, что мы можемъ остановить, по крайней мѣрѣ, задержать роковой бѣгъ исторіи, поудержаться, осмотрѣться. И это было бы большое благо для отечества. Тяжесть, спускаемая съ горы осмотнительно и сдержано, можетъ двинуться своею дорогою и дальше представленнымъ порядкомъ. Но мы несемъ въ бездну съ одуряющею быстротою. По ветхо и ново завѣтнымъ пророчествамъ рѣка временъ подмываетъ берегъ, на которомъ до сего дне стоитъ величественный, чрезвычайно прочный архи тектурно-художественный, божественно-прекрасный храмъ христіанства, въ которомъ донинѣ славится имя Бога истиннаго, Бога высочайшаго, не ту скалу, она не сокрушима, на которой зиждится вселенская Христова Церковь, но тѣ устои, на которыхъ Христова Церковь держалась у насъ, въ нашемъ народѣ, и которые повидимому расшатываются и подгниваютъ. Многіе ли изъ васъ со страхомъ присматриваются къ тому, не двигается ли свѣтильникъ Христовъ съ мѣста своего, отъ насъ вдаль куда либо въ иныя мѣста, примѣрно въ Японію?

И главный нашъ недугъ, источникъ быстро и повально распространяющейся гнили обще-народнаго разложенія, заключается въ томъ, что мы забыли, нѣтъ, мы не забыли, въ послѣднее время вовсе не знали, потому что затыкали уши и слыша не слышимъ, не взвѣшиваемъ, не цѣнимъ, не прилагаемъ къ дѣлу урокъ намъ, возглашаемый въ каждое новолѣтіе отъ лица апостола Павла: *Братіе, блюдитесь, да никто же васъ будетъ прельщая философіею и тщетно лестию, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу.* Аминь.

II. Установленіе и порядокъ царской коронаціи.

Царское вѣнчаніе и миропомазаніе было установлено самимъ Богомъ еще въ ветхозавѣтной церкви. Царь Давидъ по повелѣнію Божію былъ помазанъ на царство сначала въ Виолеемѣ, а потомъ во второй разъ въ Хевронѣ, куда для утвержденія царства собраны были всѣ старѣйшины народа израильскаго. Подобнымъ образомъ и у насъ, въ первопрестольной столицѣ Россіи въ Москвѣ собираются избранные отъ всѣхъ сословій государства русскаго, собираются знатнѣйшіе святители наши, и здѣсь въ сердцѣ Россіи, въ соборномъ храмѣ Успенія Пр. Богородицы, среди завѣтныхъ святынь русской земли, совершается священное коронованіе богоизбраннаго защитника Церкви и Отца отечества. Вотъ какъ совершается это великое священнодѣйствіе.

При вступленіи Ихъ Величествъ въ Успенскій соборъ, пѣвчіе поютъ умилительный псаломъ: *Милость и судъ возною Тебѣ Господи...* Между тѣмъ Государь Императоръ и Государыня Императрица прикладываются къ мѣстнымъ иконамъ, и потомъ, взойдя на тронъ, садятся. Тогда первенствующій митрополитъ, по древнему обычаю, приглашаетъ Его Величество въ слухъ всѣхъ подданныхъ исповѣдать православно-каѳолическую вѣру: «како вѣруеши?» Государь встаетъ и громко произноситъ символъ вѣры — «Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ Тобою», говоритъ Ему митрополитъ. Вслѣдъ за тѣмъ протодіаконъ возглашаетъ обычное начало: *Благослови, Владыко!* Митрополитъ: *Благословенно Царство...* и поется: *Царю небесный...* Слѣдуетъ великая ектенія, въ которой св. церковь отъ лица всѣхъ вѣропопданныхъ испрашиваетъ у Царя царствующихъ и Господа господствующихъ благословенія небеснаго на главу Царя земнаго, и всѣхъ даровъ Духа Божія, благопотребныхъ

для Него въ предстоящемъ великомъ служеніи царскомъ; она просить Ему премудрости и силы, благоспѣшенія во всемъ и долгоденствія, чтобы услышалъ Его Господь въ день печали, и защитилъ Его, чтобы ниспослалъ Ему помощь Свою, и заступилъ Его, чтобы не подкупны были суды Его, чтобы грозно было оружіе Его врагамъ отечества и пали подъ ноги Его все враги и сопостаты... Послѣ ектеніи поется тропарь: *Спаси, Господи, люди Твоя...* и читается паремія изъ книги пророка Исаи, въ которой изображается древнее поученіе Божіе о народѣ израильскомъ; особенно умиленны слова Господа: *едва забудетъ жена отрока свое, еже не помянуть исчадія чрева своего? аще же и забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе!.. Се на рукахъ моихъ написахъ грады твоя и предо Мною еси присно.* Клятенно увѣряетъ Господь, что избранный народъ будетъ красоваться своими чадами какъ невѣста, и все враги его будутъ уничтожены. — Послѣ сей пареміи возглашается провънень: *Господи, силою твоею возвеселятся Царь...* и читается апостолъ, въ которомъ св. Павелъ учитъ о повиновеніи властямъ предержащимъ, о томъ, что власть происходитъ отъ Бога, и потому всякій противляющійся власти противляется повелѣнію самаго Бога. За апостоломъ слѣдуетъ чтеніе евангелія, въ которомъ изъ устъ самаго Господа Іисуса слышится заповѣдь: *воздадите Кесарева Кесареви...* — Послѣ евангелія митрополиты подносятъ Государю Императору царскую порфиру, и Государь возлагаетъ на себя оную при ихъ содѣйствіи, при чемъ первенствующій митрополитъ произноситъ: *во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь.* Протоіакопъ возглашаетъ: *Господу помолимся!* — Хоръ отъ лица всей церкви поетъ: *Господи помилуй!* Тогда Его Величество преклоняетъ главу, а первенствующій митрополитъ, освѣнивъ ее крестнымъ знаменіемъ, возлагаетъ на нее крестообразно руки и читаетъ молитву, въ которой

просить Господа, дабы удостоилъ Своего вѣрнаго раба, Государя нашего, священнаго Митропомазанія подобно Давиду, который пріялъ помазаніе отъ Самуила пророка, дабы облегъ Его своею силою Божественною для великаго подвига царствованія, дабы явился Онъ твердымъ хранителемъ догматовъ вѣры православной, и совершивъ свое царское служеніе на землѣ, удостоился быть наслѣдникомъ небеснаго царства. Послѣ сей молитвы всѣ вѣрноподданные преклоняють главу и устами первосвятителя молятся за своего возлюбленнаго Государя. Вслѣдъ за тѣмъ митрополить подаетъ Государю Императору корону и Онъ возлагаетъ ее на свою главу, а митрополить произноситъ: *во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь*. Потомъ первосвятитель говоритъ Его величеству «Благочестивѣйшій Самодержавнѣйшій Императоръ Всероссійскій, видимое сіе и вещественное главы Твоея украшеніе явный образъ есть, яко Тебе, главу Всероссійскаго народа, вѣнчаетъ невидимо Царь славы Христосъ благословеніемъ своимъ благостыннымъ, утверждая Тебе владычественную и верховную власть надъ людьми своими». Подобнымъ же образомъ митрополить вручаетъ Его Величеству—въ десницу скипетръ, а въ шуйцу державу, объясняя, что они служатъ видимымъ знакомъ данной Ему отъ Бога власти самодержавной. Облеченный во всѣ знаки царскаго достоинства, Государь садится на Своемъ царскомъ престолѣ. Вскорѣ потомъ Онъ приглашаетъ къ Себѣ Свою Августѣйшую супругу; Она подходит и становится предъ Нимъ на колѣна; Государь снимаетъ съ Себя корону, касается ею главы Государыни и снова возлагаетъ ее на Свою главу. Въ это время подносятъ меньшую корону, которую Государь и возлагаетъ на главу Императрицы; подають порфиру и брилліантовую цѣпь. Онъ то и другое возлагаетъ на Свою Августѣйшую Супругу, послѣ чего Она встаетъ и отходитъ на Свой престолъ. Слѣдуетъ провозглашеніе много-

лѣтія, причѣмъ бываетъ во всей столицѣ звонъ и раздается 101 пушечный выстрѣлъ. Митрополиты поздравляютъ Ихъ Величества троебратнымъ поклономъ, не сходя съ своихъ мѣстъ. — Наконецъ звонъ умолкаетъ, стихаетъ пальба. Самодержецъ Всероссійскій, Богомъ вѣнчанный Государь нашъ отдаетъ скипетръ и державу ближайшимъ сановникамъ и одинъ за всѣхъ преклоняетъ колѣна предъ Господомъ и вслухъ всѣхъ читаетъ умиленную молитву... Какъ трогательна эта молитва царская, въ которой Онъ смиренно благодаритъ Господа за его неизреченныя къ Нему милости, и подобно древнему Соломону взываетъ: «да будетъ и Мнѣ присѣдающая престолу Твоему премудрость; послѣ ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть угодно предъ очами Твоими и что есть право въ заповѣдехъ Твоихъ! Будь сердце Мое въ руку Твою, еже вся устроить къ пользѣ врученныхъ Мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да въ день суда Твоего непостыдно воздамъ Тебѣ слово»... По окончаніи молитвы, Государь встаетъ, а вся церковь, всѣ вѣрные Его подданные въ свою очередь повергаются на колѣна предъ Господомъ и первосвященникъ отъ лица всѣхъ произноситъ молитву—ту самую, которая ежегодно потомъ повторяется на молебномъ пѣніи въ день восшествія на престолъ и въ день воспоминанія коронаціи Государя. Такъ утверждается союзъ возлюбленнаго Царя съ Его вѣрными подданными, утверждается молитвою Царя за подданныхъ и подданныхъ за Царя. Такъ еще болѣе скрѣпляются узы любви предъ лицомъ Божиимъ обѣтомъ взаимной любви, обѣтомъ царскаго служенія благу народа и послушанія подданныхъ своему Богомъ данному Государю... Остается Богомъ избранному Самодержцу облечься силою Духа Божія въ священномъ миропомазаніи, и соединиться съ Самимъ Господомъ въ таинствѣ св. причащенія, и сіе совершается на божественной литургіи. Во время причастнаго стиха два архіепископа идутъ къ трону

Государя и приглашают Его приблизиться къ царскимъ вратамъ; Государь идетъ въ порфирѣ; тогда первенствующій митрополитъ беретъ сосудъ, омокаетъ сучецъ во св. миро и помазуетъ Его Величество на челѣ, очахъ, ноздряхъ, устахъ, ушахъ, персяхъ и рукахъ, говоря: *печать дара Духа Святаго*; а второй митрополитъ отираетъ мѣста помазанія хлопчатую бумагою. Въ это время происходитъ звонъ и 101 выстрѣлъ. Государь отходитъ къ иконѣ Спасителя. Приближается Государыня и митрополитъ помазуетъ Ее только на челѣ. Она отходитъ къ иконѣ Богоматери. Тогда первосвященникъ вводитъ помазанника Божія чрезъ царскія врата во св. алтарь: здѣсь Государь дѣлаетъ поклоненіе св. престолу и пріемлетъ отъ руки митрополита св. причащеніе, особо тѣло и кровь Христову какъ священнослужители. Государыня Императрица причащается въ царскихъ вратахъ, по обычаю. Миропомазаніе Государей нашихъ не есть восьмое, или какое либо новое таинство, но только высшая степень таинства миропомазанія, подобно тому, какъ архіерейство есть только высшая степень таинства, священства. Въ семь таинствъ христіанскихъ Цари наши воспріимлютъ ту полноту даровъ Божіихъ, которая необходима для высочайшаго служенія Царскаго; и мы, вѣрные ихъ подданные, твердо вѣруемъ, что Духъ Господень осѣняетъ боговѣчанную главу Помазанника Божія, Государя нашего, подобно тому, какъ носился. Онъ надъ главою царя Давида *отъ дне того*, со дня помазанія его на царство *и потомъ* (1 Цар. 16, 13).

(Благословеніе Обителя Препод. Серія № 125).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

- а) 1. Священная исторія Ветхаго Завѣта, и
б) 2. Священная исторія Новаго Завѣта, въ простыхъ
разсказахъ, для дѣтей младшаго возраста. Обѣ книги одобре-
ны для употребленія въ приходскихъ и народныхъ учили-
щахъ. Разказы въ нихъ изложены не отрывочно, но въ
системѣ и хронологическомъ порядкѣ, и притомъ языкомъ
яснымъ, простымъ и вполне доступнымъ для пониманія
самыхъ малоразвитыхъ дѣтей.

Цена каждой книги 20 коп. съ пересылкою 25 коп.
При выпискѣ свыше 50 экзempl. дѣлается уступка 10%.

Адресъ: въ г. Минскѣ. Священ. Ө. Миткевичу.

- б) Программа изданія въ 1882 году журнала „Пропо-
вѣдническій Листокъ.“ (Второй годъ).

1. Въ журналѣ будутъ помѣщаться исключительно *цер-
ковныя поученія.* — 2. Поученія будутъ *кратки*, но *содер-
жательны*, занимательны по предмету .и, по мѣрѣ воз-
можности, принаравливаемы къ событіямъ нашихъ дней —
3. По изложенію поученія будутъ *просты* — 4. Изданіе бу-
детъ *ежемесячное*, и притомъ каждый номеръ (не менѣе
днаго печатнаго листа) будетъ выходить за мѣсяць до то-
го времени, на которое онъ назначенъ, такъ чтобы всякій
выписывающій этотъ журналъ могъ имѣть въ каждому в ос-
кресному и праздничному дню свѣжее поученіе и побуждал-
ся этимъ проповѣдывать за каждою литургіею. — 5. Въ видѣ
приложеній могутъ быть помѣщаемы рѣчи на разныя случаи

(погребеніе, вѣнчаніе и замѣчаніе касательно нравственно-практической дѣятельности пастыря церкви. — 6 Цѣна годовому изданію 1 руб. 20 коп. сер. Марки не принимаются.

Съ требованіями обращаться въ Кіевскую духовную Академію, на имя редактора-издателя доцента М. А. Олесницкаго.

Дозволено цензурою. Симферополь, Сентября 1-го дня 1882 года.
Цензоръ Протоіерей Григорій Левицкій.

Редакторъ Секретарь Консисторіи Ив. Соловьевъ.

Печ. въ Таврич. Губернск. Типографіи.